

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

СОБЫТИЕ

«Не спать!» встречается с «Удиви меня!»

Окончание. Начало на стр. 1

Прошлый год Дягилевский фестиваль имел очевидный театральный крен: концертов, особенно масштабных, было меньше, чем в предыдущие два года, зато было много перформансов и театральных постановок.

Концерты — один другого сенсационнее. Virtuозы уровня «бог» и ведущие композиторы XX и XXI веков представлены, пожалуй, как нигде в мире. В программе — сплошные музыкальные премьеры, российские и мировые, а также единичные события, которые не повторяются больше нигде и никогда.

Ещё одна особенность и важная привлекательная черта нынешнего фестиваля — рекордное количество событий с личным участием Теодора Курентзиса.

Как всегда в последние годы, многие концерты фестиваля проходят поздним вечером, ночью или даже ранним утром. Поэтому по-прежнему актуален прошлогодний призыв, который подарил фестивалю хореографический спектакль Алена Плателя *Nicht schlafen* — «Не спать!» на пресс-конференции, предваряющей церемонию открытия XIII Дягилевского фестиваля.

Настойчиво звучало слово «общение». О фестивале как коммуникативном средстве говорил на пресс-конференции и сам художественный руководитель.

Теодор Курентзис, художественный руководитель Дягилевского фестиваля:

— Дягилевский фестиваль — это не программа, состоящая из премьер, концертов и перформансов. Это тесное общение художников и зрителей, пространство, где едва уловимые идеи становятся более ясными, а то, о чём мы только мечтали, — реальным. По сути, за эти несколько лет мы создали новый способ коммуникации в сфере культуры. Мы нашли новые возможности того, как рассказывать людям о музыке и представлять произведения искусства. Многие форматы и подходы, которые мы впервые попробовали на фестивале, теперь используются повсюду в России. А программа фестиваля — это

то, что помогает нам шагнуть в это пространство поиска и общения.

«Роковая» симфония

По многолетней традиции на открытии прозвучала симфония Густава Малера.

Девятая симфония — это во многом рискованный выбор. Это сложнейшая из малеровских симфоний по мелодике и полифонии, она совсем не проста для слушательского восприятия. Недавно сам Курентзис обмолвился перед журналистами, что не уверен, смогут ли полюбить эту музыку те, кто не прожил с ней годы. Кроме того, номер девять считается для композиторов «роковым»: после своих Девятих симфоний скончались Бетховен, Брукнер и Дворжак, а Малер оттягивал написание своей Девятой как мог — предыдущему симфоническому сочинению он не присвоил номера, назвав «Песню о земле», так что девятая — это фактически его симфония №10. Печально, но любопытно: Девятая симфония действительно стала последней из дописанных Малером, Десятую он уже не завершил.

Фестивальный оркестр, укомплектованный блестящими молодыми музыкантами, сделал всё, чтобы приблизить эту непростую музыку к зрителю. Историческая роль Малера в развитии симфонизма стала ясна как никогда, поскольку в музыке отчётливо слышались, с одной стороны, Бах, а с другой — Шостакович. Концерт стал моментом потрясения, хотя бы из-за невероятного финала. Курентзис — мастер симфонических финалов, но такой пронзительной тонкости, такого тающего, трепетного и в то же время победительно отчётливого звука мы не слышали, пожалуй, даже у него.

Эмоциональность момента подчеркнула режиссура концерта: в финале симфонии приглушённый свет в зале и на сцене постепенно погас, и последние звуки достигли слушательских ушей в полной темноте. Так, в темноте, публика и сидела молча, боясь шелухнуться, не то что аплодировать. Апло-

дисменты и крики восторга раздались после того, как в зал дали свет.

Ещё более рискованным видится выбор второго произведения: после симфонии Малера состоялась российская премьера сочинения современной шведской композиторши Малин Бонг *Splinters of ebullient rebellion* («Осколки бурного восстания») с четырьмя солирующими пишущими машинками, музыкальной шкатулкой и другими небанальными инструментами. Даже обычные инструменты из арсенала классического оркестра звучат непривычно, а музыканты должны освоить небанальные способы звукоизвлечения, что им удалось блестяще.

Этот радикальный выбор можно объяснить обстановкой, в которой проходило открытие фестиваля: площадкой для симфонического концерта стал абсолютно советский Дворец культуры им. Солдатов, и здесь весьма уместно прозвучало сочинение о борьбе между свободой и властью, каким и являются «Осколки» Малин Бонг.

Космос и Большая рыба

Дягилевский фестиваль, помимо прочего, из года в год выполняет важнейшую функцию: показывает в Перми лучшие образцы современного театра, танцевального и драматического. Благодаря фестивалю мы изумлялись и наслаждались на спектаклях Акрама Хана, Сиди Ларби Шеркауи, Робера Лепажа, Алена Плателя, Ромео Кастеллуччи... Нынче, казалось бы, театральная программа не такая насыщенная, как концертная. Зато в ней — действительно лучшее.

Часто принято в качестве похвалы говорить: «Это космос!» В смысле: нечто великое и прекрасное. После просмотра спектакля Анатолия Васильева «Старик и море» это определение теряет смысл по отношению ко всему, кроме этого спектакля, потому что это и есть космос, а всё остальное им быть уже не может.

Спектакль построен так, что изумление накатывает на зрителя волнами: едва закончилась одна — набегают другая. Первое изумление — это

Алла Демидова. Её манера игры в этом спектакле — сторителлинг заоблачного уровня. С одной стороны, это просто рассказ истории, с другой — нечто, навещающее на мысли о творчестве рапсодов и каких-нибудь «манасчи» — профессиональных сказителей эпоса: хрипловатый голос, мерный ритм, сильные, драматичные акценты, завораживающие жесты — руки помогают голосу.

Первое изумление сохраняется примерно минут сорок, а потом начинает спадать, и вылезает мыслишка: и что, вот так — два с половиной часа? Это разве спектакль? Просто читка... Но тут реальность уходит и накатывает второе изумление: каким-то неуловимым способом мы оказываемся в новой реальности. Это уже не рассказ о буднях кубинского рыбака, а притча о человеке в мироздании, о преодолении себя, о вечной борьбе с акулами, как бы они ни выглядели, какие силы ни представляли бы. Собственно, повесть Эрнеста Хемингуэя, по которой поставлен спектакль, именно потому и великое произведение, что выходит за рамки собственного сюжета, — и теперь эта литература получила конгениальное сценическое воплощение, которое полностью учитывает её притчевую природу.

Это, безусловно, личное высказывание. Это режиссёр Анатолий Васильев и его тяжёлая и горькая борьба с собственными «акулами», его собственная погоня за личной «большой рыбой». И это, конечно же, актриса Алла Демидова: на её долю тоже досталось немало «акул», достаточно вспомнить историю с Театром на Таганке — недаром спектакль посвящается 100-летию со дня рождения Юрия Любимова. Это их совместный *opus magnum*, предельное высказывание, которое говорит: «Вот мы, два старика, открывшихся вам со своим опытом, со своей болью, со своими горькими победами».

На сцене же в это время — одно изумление за другим. Сказочные существа, бурные волны и брызги, бескрайность океана, утлая лодка, напоминающая лишённый плоти скелет, смена дня и ночи, и — ах! — атака кровавого, безжалостного хищника! И, конечно же, рыбы — огромные, сияющие, прекрасные и медлительные в своём божественном равнодушии по отношению к суетящимся человеком.

Особый разговор — о том, как это сделано. «Старик и море» Анатолия Васильева — высказывание предельное не только потому, что вобрало в себя весь жизненный опыт режиссёра, но ещё и потому, что этот спектакль вобрал в себя как будто весь мировой театр — это и моноспектакль, и театр теней, и немощко дель арте, и, как уже было сказано, древнее эпическое сказительство, и даже китайское искусство гигантских кукол.

Первая — сказительно-реалистическая — часть спектакля проходит в тишине, в которой нет ничего, кроме голоса сказительницы. Затем появляются первые волны музыки (в этой истории всё происходит волнообразно), и по мере того, как реальность превращается в иносказание, музыка заполняет всё, а голос Демидовой в самый драматичный момент отделяется от самой актрисы и становится частью этого звукограда. Затем, когда напряжение стихает, сквозь звуковую бурю, созданную

ФОТО АНТОН ЗАВЬЯЛОВ

Теодор Курентзис — центр не только концертного исполнения оперы «Идоменей» (на фото), но и всего фестиваля